

РУССКИЙ ПАТРИОТ

3-е année
N° 14 (27)
(NOUVELLE SERIE)

(LE PATRIOTE RUSSE)

Prix 5 frs.

Organe de l'Union des Patriotes Russes en France paru en clandestinité

4, rue de Galliera Paris 16.

— 27 JANVIER 1945 —

Tel.: KLE 94-20, 21, 22

Подписка на газету

„Русский Патриот“

принимается ежедневно, кроме
суббот и воскресений, от 2 до 6 ч.

для Парижа и провинции

4, rue de Galliera (métro Alma-
Marceau).

комната № 3.

Tel.: KLE 94-20, 94-21, 94-22.

Танненберг

Мы слишком привыкли к победам. Сталинград — это высшая точка напряжения. После Сталинграда все определится. Мы еще продолжали волноваться, горячо переживая каждую удачу, но уверенность наша в конечном исходе войны уже окрепла, — вместе с чувством уверенности пришло и спокойствие. Не равнодушие, конечно, но спокойное сознание силы, а потом и превосходства над врагом.

Мы поняли, что государственник корабль построен прочно и управляется умелой рукой.

Постепенно мы стали даже нетерпеливыми. Если какой-нибудь день не приносил одушевленной победы, захвата важного узла, освобождения какой-либо столицы, мы склонны были недоумевать.

Наступило, наконец, время, когда поработенные станицы на Восточном фронте не оставались.

Главное дело — очищение русской земли — завершено. Все остальное — казалось лишь полетом славы.

Но вот настал день, когда весь мир насторожился.

Вят Танненберг.

Что такое Танненберг? Крепость? Провинциальный городишко? Важный стратегический пункт?

Сегодня не это занимает нас. Мы, русские, знаем и помним:

Танненберг — есть Танненберг.

Это имя, как и Цусима, обаяло завоевателей.

В последние годы Российской империи нигде доблести, героизма и гибель не сочетались так, как при Танненберге и Цусиме. Это два поражения, которыми можно и должно гордиться; это две победы, от которых до сих пор сжимается русское сердце.

Это — сложное сочетание.

Народ выиграл себя и там и тут в полной

мере. Материя потерпела поражение, — дух отрешился от материи и одержал небывалую победу.

При Цусиме японцы пели «Песнь героев» в честь обломков русского флота, после Танненберга «победителей». Людендорф посвящает свою книгу русской армии.

Ныне, читая военную сводку о заятии Танненберга Красной Армией, мы невольно задумываемся. Старая печаль не омрачает нашей радости, но радость наша не похожа на восторг Сталинграда.

Мы остаемся серьезными.

Прежде, чем выплеснуть из чаши истории всю горечь, накопившуюся в ней, мы торжественно поднимаем эту чашу на свет и внимательно созерцаем ее содержимое.

И мы видим: несмотря на всю доблесть русского народа, на героизм таких вождей, как Самсонов и Роженевский, Цусима и Танненберг — не только победы, но и позор.

Невольно возникает вопрос — кто виновник позора, оравшего эти славные деяния, эти безупречные имена?

Нет такой русской совести, которая не нашла бы ответа. Нет такого незатуманенного сознания, которое не сделало бы и дальнейший вывод: революция в русской государственности срублена лишь тем, что сгнило. Разрушено то, что мешало творчеству. Революция была и неизбежной, и необходимой. Она совершилась.

Теперь у нас новый Танненберг. Там покоится прах Гинденбурга, его тень бежала перед сыновьями тех, чьи кости разбросаны вокруг его разрушенной гробницы.

Танненберг — не просто военная победа. Это изваяние русской истории. Мозолистые руки перевернули ее, и весь мир с напряженным вниманием следит за ней.

В огне тяжелых испытаний возродилась великая страна; нет счастья больше, нет гордости выше, чем быть ее сыном.

Воскресшая Польша

Под натиском Красной Армии, превосходящим все, доселе виденное, германские войска бросают один за другим города чисто-польские, никогда ранее Германии не принадлежавшие, — но аннектированные Гитлером в 1939-ом году, — аннектированные прямо и непосредственно. «Варшавское генерал-губернаторство» как-никак признавалось пока что территорией этнически польской; вся же северо-западная половина коренной Польши, вплоть до Плонска, до Лодзи (перекрещенной в Лицманштадт — в честь первого нацистского председателя рейхстага), и почти до самых пригородов Варшавы была просто объявлена немецкой землей, неотделимой частью германского рейха, и вместе с Данцигом и коридором образовала новую провинцию (Рейхсгау) — Данцигско-Западно-прусскую.

Шла в мешке не утаишь: в большинстве этих районов население было чисто-польским. Сама немецкая печать не раз с сожалением отмечала этот факт. Но в своей ненависти к славянству, гитлеровская Германия хладнокровно поставила перед собой задачу: в первую очередь, искоренить это польское население и заменить его немцами (во вторую очередь, та же задача ставилась для «генерал-губернаторства», и так далее, шаг за шагом, в направлении на Восток, сперва польский, затем русский).

В самом начале войны, Гитлер назначил 10-летний срок для полного немецкого «Западной Пруссии», и его подчиненные принялись за выполнение свихи начертанного плана. Их методы как нельзя ярче иллюстрируют то, что мы недавно говорили в «Русском Патриоте»: самые кровавые эпизоды русско-польской борьбы прошлых веков не идут ни в какое сравнение с немецким стремлением систематически уничтожить поляков, как нацию, как народ. Тут дело даже не в отдельных зверствах, как бы страшны они ни были, — а Польша видела за эти годы примеры неслыханного зверства. Но самое страшное — с немецкой методичностью применяемая система удушения целого народа, покушение на его национальное и просто человеческое достоинство, моральное истребление, сметающееся со столь же хладнокровным истреблением физическим.

7-го февраля 1942 года, местная немецкая печать «Западной Пруссии» опубликовала статью-инструкцию гитлеровского наместника, «гауляйтера» Форстера. «Пока в этом Гау», — писал Форстер, — останется хоть один мужчина, хоть одна женщина, хоть один ребенок не немецкой народности, — до тех пор нельзя будет сказать, что земля эта возвращена (?) Германии». Этого достаточно широкую программу предполагало осуществить на чисто-польской земле в 10-летний срок!

«Польский язык должен быть искоренен окончательно», — продолжал Форстер. Самое немецкую печать приводил в некоторое замешательство вопрос — как это сделать в стране, где «значительная часть простого

сельского населения до сих пор говорила лишь по-польски» («Кельнские Цейтунг» от 8-го февраля 1942 года). Но у гауляйтера был готовый ответ: ведь и в деревнях аннектированных территорий командовать славянскими рабами должны были немецкие «вожди сельско-хозяйственных предприятий»; этим «бестрибсфорерам» попросту запрещалось «впредь говорить с их рабочими по-польски». «А если сельско-хозяйственные рабочие, действительно, не понимают еще по-немецки, то пора бы их перучить, после почти уже двух с половиной лет германского владычества».

Само собой разумеется, что точчас после завоевания, «все духовные вожди польского народа» — учителя, духовенство, интеллигенция — были «устранены». Форстер самодовольно утверждал, что «после этого широкие массы населения остались без собственной воли и без всякого мнения». А чтоб воля и мнения не вырабатывались и впрямь, он предписывал: «препятствовать всякой встрече поляков друг с другом, хотя бы в самом тесном кругу». Одновременно с мерами удушения на месте, польское население всеми силами старались вывести из его коренных земель в Германию для рабского труда на пользу победителя. Именно так: польский рабочий, вывезенный в Германию, ставился в положение раба, ничего общего не имеющее с положением немецкого рабочего. Вот, например, какие указания давал на этот счет «Нейес Випер Тагесблатт» в декабре 1941 года:

«Контракт немецкого предпринимателя с польским рабочим — нечто совсем иное, чем обычный рабочий контракт, заключенный, согласно правилам, принятым для немцев».

«Немецкое социальное страхование не распространяется на польских рабочих. Как правило, поляк не получает содержания, в случае болезни... Каждый раз, когда он не может явиться на работу, ему дается лишь неоплаченный отпуск. Премии за многолетнюю и за многодетность не должны выдаваться полякам, как и пособия при вступлении в брак, при рождении ребенка или в случае смерти; то же относится к наградам, и т. д. На обеспечение старости поляки также не могут претендовать...».

«Поляков следует оплачивать по самым низким тарифам. Всякую, лучше оплачиваемую, работу надлежит принципиально предоставлять лишь немецким служащим данного предприятия».

Польское население вывозилось в Германию совершенно так, как некогда ассирийские цари увозили в рабство завоеванные ими народы, а на его место всеми силами насажались германские элементы. В списки немецкой народности заносились поро и некоторые местные жители; но они оказывались тогда, примерно, в положении обращенных в католичество испанских евреев 16-го века, отданных под постоянный надзор Инквизиции: «надо принимать меры

к тому, чтобы эти люди не отпали вторично», — писал Форстер, принимая даже терминологию инквизиторскую.

Что касается привлекавшихся на завоеванную территорию немцев из рейха, то от них требовалось, прежде всего, быть «борцами за немецкую народность». Они оказывались как бы мобилизованными на расовую борьбу со славянством; особое распоряжение «Гау» предписывало всем предприятням «препятствовать всякому обратному выселению немецких рабочих и служащих назад из «Гау» в старый рейх».

Сейчас эти штатские «борцы за немецкую народность» бегут, вероятно, еще быстрее гитлеровских солдат, — вон из «германского» восточного пространства, где они доброй волей, или даже неволей, должны были обосноваться навеки. И бегство их не остановится ни на старой немецкой границе, ни на укрепленной линии Одера. Ибо на сей раз новые отношения германизма и славянского мира будут установлены русскими войсками в Берлине.

С — ный.

За неделю

20 января в Москве подписано перемирие между Советским Союзом, Великобританией и С. Штатами с одной стороны и Венгрией с другой. «Временное национальное правительство Венгрии, признавая факт поражения Венгрии в войне против Советского Союза, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и других объединенных наций», выходит из войны на стороне Германии и объявляет Германию войну. Оно обязуется разоружить, находящиеся на венгерской территории германские вооруженные силы и предоставить свои собственные силы в распоряжение союзного (советского) главнокомандования, численностью не менее 8 пехотных дивизий. Венгрия выводит все захваченные ею территории Чехословакии, Югославии и Румынии до границы 1937 года. Союзным войскам предоставляются все средства передвижения по венгерской территории, все союзные военнопленные, интернированные освобождаются, все захваченные венгерскими войсками имущество Объединенных Наций возвращается, военные убытки возмещаются в размере 300 миллионов долларов с погашением в течение 6 лет товарами. Кроме того, Венгрия обязуется отменить у себя все расистские законы и расцелить все прогитлеровские организации.

В югославском вопросе неожиданным образом король Петр потребовал отставки правительства Субачича, каковое отказалось этому требованию подчиниться. Нет сомнения, что согласно недавнему заявлению Черчилля в Палате Общин, югославские дела так или иначе получат свое разрешение в духе соглашения Субачича — Тито.

Молниеносный ответ

В нашем предыдущем обзоре мы указали, что немцы, под угрозой двух блоков армий — с востока и с запада, пользуясь своим центральным положением, пытаются действовать, согласно принципам стратегии, по «внутренним операционным линиям».

Благодаря сравнительно долгому затишью на восточном фронте, они, нужно думать, перебросили часть своих сил на западный фронт, где неожиданно и перешли в наступление.

Действия их здесь выразились в последовательных атаках, сначала в Бельгии и в Арденнах, а затем, предполагая, что союзники свои резервы подтянули к этому пункту, немцы повели наступление на юг — в сев. Эльзасе и в районе Страсбурга.

Уже из первого наступления их в Арденнах выяснилось, что сил у них, как в людях, так и в материале, совершенно недостаточно. Первая авантюра их уже почти целиком ликвидирована союзниками; вторая, нужно думать, тоже обречена на неудачу.

И вот, в этот решительный момент немцы получают молниеносный ответ на восток со стороны русских армий.

За период затишья русские армии не оставались бездейственными: они успели перегруппироваться, пополниться, наладить тыл и коммуникации, наметить будущие цели и вообще подготовиться к решительному наступлению. Недаром советская пресса не скрывая, прямо указывает, что цель этого натиска — взять Берлин.

Момент для перехода в наступление выбран как нельзя более удачно, как раз тогда, когда немцы выжили в серьезные действия на западном фронте. Недаром немцы первые свои неудачи объясняют тем, что для задержания русских они принуждены бросать им навстречу дивизии фольксштурма, т. е. ополченцев.

Наши перешли в наступление мощными силами — более 200 дивизий и более 20-ти бранных корпусов по всему громадному фронту в 1000 километров. Частными целями поставлены: 1) на севере — Данциг и Восточная Пруссия, 2) в центре — Варшава, Лодзь, Познань и Силезия, этот чрезвычайно важный промышленный и угольный район Германии, 3) далее к югу — Краков и Чехословакия, 4) еще южнее — Будапешт, Братислава, Вена, Австрия, и 5) крайний юг — Югославия.

Были многочисленные препятствия русскому наступлению: во-первых, местные, географического характера, и во-вторых, масса искусственных — укрепления, построенные немцами. Наконец, нельзя упустить из виду тяжелых условий зимнего времени.

Несмотря на все это, при первом же натиске, уже в течение первой недели наступления, немецкий фронт был почти повсюду прорван, по крайней мере, на длине в 500 километров. Особенно большой успех был достигнут в центре — от Варшавы до Кракова, где наши продвинулись передовыми частями почти на 200 км.

На севере, Восточной Пруссии стала грозить комбинированная атака: с востока — армии Черняховского, с юга — Рокоссовского, подобно тому, как это было в прошлую войну (Ренненкампа и Самсонова). Но, конечно, прошлый печальный опыт учтен и не повторяется. На востоке был произведен прорыв между Гумбиннем и Тильзитом. С юга — Мава, Мейденбург были взяты, взят был и Танненберг с его знаменитым памятником былой славы немцев.

В центре — Варшава, Лодзь, Ченстохова, Краков были взяты, армии Жукова направились на Познань — последний важный опорный пункт немцев, прикрывающий сердце Германии.

Армии Конева, идя от Ченстохова, перешли германскую границу, направляясь на Опельн и Бреславль.

Южнее оперирующие армии Петрова, Малиновского, Толбухина имеют также немалые местные успехи. Здесь, нужно думать, с Будапештом будет вскоре покончено. Они взяли тут до 60-ти тысяч пленных, и последние защитники заперлись в цитадели Буда. Посланные немцами вырывать остатки гарнизона пока что недействительны.

Общий натиск наших войск продолжает молниеносно развиваться.

Этим удивительно своевременным, искусным и мощным ударом красное командование, во-первых, значительно укрепило западный фронт, во-вторых, сократило немецкие операционные линии на сотни километров, и, в-третьих, разрушило передовой немецкий фронт на Висле со всеми его фортификациями. Немецкие войска дезорганизованы и спешно отходят, ища возможности перегруппироваться и где-то занять новую оборонительную линию, что весьма трудно под напором наших сил... Говорят, генерал Гудеран, где-то в районе Познани — Бреславля, готовит контр-удар из многих танковых дивизий, чтобы, хотя бы временно, задержать русское наступление, немцы не желают бросать ему навстречу слабые дивизии фольксштурма...

Теперь, чтобы скорее покончить с противником, необходимо и на западном фронте, используя этот успех восточного, и имея в виду общую растерянность немцев, также перейти в общее наступление. Тогда сокращение немецких операционных линий ускорится, и противник может быть быстро окружен непосредственно и окончательно задушен.

Но если даже этого наступления на западном фронте в настоящий момент не случится, думается, что одни русские армии справятся со своей задачей и закончат победоносно свой «марш на Берлин».

Е. Герасимов.

Конец Нибелунгов

Уже с конца прошлого века пошли в Германии разговоры о «колоссе на глиняных ногах», о «славянском навазе для германской культуры» и так далее. Однако, блистательные теории не мешали тому, что умоуный сознанием собственного величия пангерманизм все же с опаской озирается на Россию, все же благоволив перед русской мощью. Сила исторических воспоминаний была еще слишком велика. Пруссия еще не забыла, какого страха набрался Фридрих Великий, познав на опыте, чего стоит на войне непамятные ему русские «варвары»; Висмарк всю жизнь панически боялся столкновения с Россией, Вильгельм I помнил до последнего издания, как батюшка его, король Фридрих-Вильгельм III, в молодости заставил его вылезать из коляски и становиться в грязь на колени перед отравившейся их взором Москвой, едва отстранившейся после 1812 года. Вера в непобедимость России, благоволение маленьких немецких корошков и князей перед блеском и величием восточной империи довели над сознанием свежее — объединенного Рейха.

Германская гордыня стала подлинно безмерной, германские аппетиты разгулялись во всю ширь лишь тогда, когда разыгралась эта трагедия: гибель целой русской армии, пленение сотни тысяч героически сражавшихся русских солдат, крушение русского наступления на охваченную паникой Восточную Пруссию, откуда за несколько дней до того донесли в Берлин отчаянные молбы о помощи против надвигавшегося русского «парового вала».

Танненберг стал легендой, мифом, символом. Он знаменовал качественное превосходство возрожденного Зигфрида над серой «мушкетерской массой». Безмерно преувеличивая чисто военное значение победы, забывал, что гибель армии Самсонова позволила за собой Марну, приписывая побежденному противнику громадное количественное превосходство, вовсе не существовавшее на деле, Германия 1914 года вынула сама себе веру в свое «призвание» на Востоке.

И когда под ударами западных держав рухнула военная мощь Второго Рейха, именно Танненберг остался символом германского величия и славы. Именно он явился духовным мостом через позорное поражение от побед чужаков к победам завтрашним. Ореол Танненберга окружил в общем мало значительную фигуру фельдмаршала Гинденбурга, сделав ее знаменем, центром, вокруг которого кристаллизировались силы духовно не сдвинувшиеся Великотермании. И когда овелный этой легендой старик с четырехугольной головой и тяжелой прусской челостью перешел власть над Германией Адольфу Гитлеру и угас, вождь Третьего Рейха именно за русских костях, на поле битвы под Танненбергом продемонстрировал неизменность и непрерывность германской воли к могуществу, к власти. «Мерт-

вый полководец, вступил в Валгаллу!». Так памятник, воздвигнутый в ознаменование русского поражения, стал храмом германского божества, пантеоном ново-языческой Германии.

Символ германской гордыни, Танненберг выражал и конкретную социальную реальность, гораздо менее пыльную, но не менее ядовитую. Русская трагедия не даром разлагалась именно в десах Восточной Пруссии — на подступах к бастиону, в течение веков возмущенному германизмом в его колонизаторском движении на Восток. Опыт средневековых рыцарей — поработителей славян, Восточная Пруссия всегда была насыщена духом господства благородной германской породы. И потомки тевтонских рыцарей, восточно — прусские юнкеры, исторически не случайно стали оплотом того новогерманского духа, который задушил старую «Германию мыслителей и поэтов» и с пизным правом носит имя — «пруссия». Ради спасения касты — носительницы этого надменного, по существу еще крепостнического духа, больше всего на свете уважавшего военную силу — ради спасения восточно — прусского юнкерства и была, в сущности, дана битва под Танненбергом, по прямому требованию «первого юнкера» — германско — прусского императора Вильгельма II, и вопреки всем первоначальным стратегическим планам германского командования 1914 года. Ради спасения этой же касты производились довольно смутные операции, прикрывавшиеся, в Веймарскую эпоху, ореолом Гинденбурга — танненбергского победителя. И эта же каста столь же смутными путями привела в конце концов к передаче власти в руки Гитлера, в котором она видела оружие в деле восстановления германско — прусской — а, следовательно, и своей собственной — военной мощи, силейной и с ее экономическими интересами.

Действительно, восстановление прусско-германской военной мощи осуществилось в небывалом масштабе. Но эта мощь сложилась, столкнувшись с мощью еще большей. Танненберг оказался не началом конца России, а лишь трагическим эпизодом тяжелого переходного периода русской истории. Миф кончен. Валгалла, воздвигнутая Гитлером на костях солдат Самсонова, — уже только циклопическая груда камней с той минуты, как мимо нее прошли победоносные войска Рокоссовского.

А вместе с танненбергским мифом рушится целый мир насилия и сатанинской гордыни, под своими обломками потреба касты своих служителей. Удел этой касты — Восточную Пруссию — уже не защитит танненбергское чудо. И не только мы, русские, можем обогнать вдохнуть, срыв нашу горькую национальную обиду: во всей Европе станет легче дышать с концом прусского юнкерства.

С. Оболенский.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

ЗАРЯ С ВОСТОКА

Внимание всего мира приковано к грандиозным победам Красной Армии.

«В русской мысли поразительно не только широта возможностей, которыми она располагает еще и теперь, после трех с половиной лет ожесточенной борьбы: поразительна ее тайна», — пишет в «Фигаро» Владимир Ормесон. — «До самого дня, когда началось это новое наступление, ничто из приготовлений к нему не просочилось во внешний мир. А видит Бог, какого масштаба были эти приготовления! Напротив, восточный фронт казался неподвижным еще на многие месяцы. Это спокойствие объясняли усталостью после летней кампании, отдаленностью баз... Тайна соблюдалась так строго, что среди этой тишины никто не подозревал надвигающегося самого сокрушительного удара всей этой войны... Тут легче всего измерить все различие между советским строем и союзными демократиями. Ибо эти последние болтались по существу. А советский строй непроницаем и нем».

Русские штыки несут освобождение западному славянству. Об этом пишет Марсель Фурье в «La France» и «Комба»:

«Следует отметить, что русское влияние на чехов и сербов связано, прежде всего, с общностью происхождения. Русские берут на себя защиту права народов на самоопределение; они дают пример великой федеративной республики, в которой представлены самые разнообразные национальности и религии. Вполне естественно, что малые государства, постоянно раздираемые внутренней борьбой, постоянно раздираемые извне, обращают свои взоры к Советскому Союзу, который вместе с их внутренним спокойствием обеспечивает и спокойствие их границ, необходимое условие их национального существования».

«Если Россия хочет раз навсегда решить польский вопрос для блага самого

польского народа, решить его единственным возможным способом и путем прямого соглашения с самим польским народом, то не служит ли это обеспечению мира в Средней Европе?»

«Конечно, влияние Советского Союза на все страны европейского Востока после войны будет решающим... СССР находится ныне в ряду величайших европейских держав, он является даже без сомнения величайшей и самой могущественной из них».

Вслед за почти целиком освобожденной Польшей приближается черед Чехословакии. «Le Monde» отмечает что:

«По счастью Чехословакия не угрожает столь серьезные внутренние раздоры, как те, которые проявились в Польше, Греции, Югославии. Бенеш из Лондона всегда оставался в контакте с Москвой. 18 июля 1941 года Чехословацкая республика подписала с СССР соглашение о совместной борьбе с Германией, а 12 декабря 1943 года обе стороны заключили в Москве новое соглашение, связывающее их на 20 лет дружбой и дружественным сотрудничеством после войны, а также обязательством взаимной помощи».

«Бенешу приписывается намерение в близком будущем посетить Москву и оттуда направиться в освобожденную часть чехословацкой территории... Но эта освобожденная часть — отдаленная, бедная, разоренная войной. Кроме того, украинские элементы, весьма активные в Подкарпатской Руси, как будто бы добиваются присоединения этой провинции к Советской Украине. Не следует также рассчитывать, чтобы пять лет нацистской власти не оставили глубоких следов в Словакии... Необходимо, чтобы чехословацкие патриоты проявили немалую дальновидности и широты мысли для того, чтобы их страна быстро восстановила свое равновесие и свою мощь».

Мертвая совесть

Слова пушкинской поэзии перестают быть частями речи. Говоря о «маленьких словах», обычно не говорят ничего. Отмечают лишь, что в словах есть некая тайна, т. е. нечто, что не определяется разумом. К столь странному, ничего не определяющему определению можно было бы кое-что добавить, но сегодня не это занимает нас.

Это — лишь далекое вступление к теме, не связанной ни с поэзией, ни с наукой или философией. Но связанной с вечною дилеммой: с понятием человеческого достоинства.

Человеческое достоинство — не только чувство или сознание, но и — слово. Слово же не только отражает, но и творит.

Пушкин не только признает человеческое достоинство, но только утверждает его за собой и другими, но и творит его для других, когда говорит:

В бореньи падший — неведим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
То, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица,
И не услышат пеньбы бойды
От лиры русского певца.

Пушкин — гений; это значит, что Пушкин есть наиболее полное выражение своего народа.

Этот русский народ говорит его устами. Не забвение, не слабость памяти, но достоинство всего народа нашло свою поэтическую формулу.

Мы не напомним, хотя, конечно, все помним.

Каково значение этой формулы для нынешнего дня?

Подгоняемые ледяными ветрами, опережая эти ветры, русские люди в солдатских шинелях отвергают огромные пространства, и чужой, не очень понятливый, мир с тревогой следит за их полетом.

Что несут с собой эти таинственные люди, исповедывающие новую веру?

Какое насилие или потрясение? Какую бурю или разрушение?

Не жадность ли к новым пространствам гонит этот сумасшедший народ, раскинувшийся на шестой части земли? Не тесно ли уже им в их степях, в их мерзлой тундре, в их дремучих лесах, где перекинулись дивные дива?

Словом, — не есть ли это «отт самый советский империализм»?

Стоит призадуматься над этим звучанием:

Советский империализм.

Всего лишь два слова, — но веет от них духа смертельной, — не потому ли, что дух оставил их, — одна лишь словесная шелуха, оскорбляющая слух своим убожеством?

В них — не благодарность, не восторг граждского освобождения, но страх, страх, страх.

Как мало в этом человеческого достоинства...

Как мало достоинства в статье одного русского мыслителя-профессионала (как назвать его иначе?), помещенной в эмигрантском журнале в Америке: Европе угрожает «кнута-монгольская империя», т. е. его бывшая родина, Россия. Статья эта известна в Париже лишь по краткой выдержке в газетах; этого недостаточно, чтобы дать полный духовный образ «мыслителя», но достаточно, чтобы оценить его изречение.

Мертвая совесть напечатала эти слова: убитое человеческое достоинство позволило огласить их. Дух живой отлетел и от слов от человека, сказавшего их. У мертвой совести нет ни восторга, ни срадания, есть лишь глумление над восторгом и страданием народа, некогда бывшего его народом.

Это — не выстраданные, но нарочито придуманные слова, — это — нарочитая

ПО СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ

Народ на войне

Все было тщательно подготовлено. Уже в 1939 году германский штаб печатал и карты Заволжья, и татарские словарики для скучающих, и приказы о задержании заложников. Рур не сводил глаз с Никополя; монхенские пивовары размышляли, как использовать Вахкирню для культуры ячменя; берлинские архитекторы строили макеты сибирских ферм.

Не сразу поняли многие, что именно произошло в ту короткую летнюю ночь. Немцы, будучи несмелыми и осторожными, росли для завоеваний; наш народ, горячий и отчаянный, мечтал о братстве.

Была доверчивость, была и беззаботность. Недоумевая, девушка спрашивала: «Неужели они в Смоленске?». Командиры не сразу разобрались в немецкой тактике. Бойцы не сразу разгадали тайну «скупухи». Бывало, несколько прорвавшихся танков или тридцать автоматов казались недолимыми. Мы теперь достаточно сильны, чтобы вспомнить о былых слабостях. Было и в первые дни вдоволь героизма; были и в первые дни умные, зоркие командиры; но сталь требовала закала.

Длинный путь прошла наша армия. Когда немцы напали на нас, мы были большим и сильным государством; у нас была большая и сильная армия; но чего то нам не хватало. Злобы? Опыта? Духовной зрелости? Да войны мы несли о том, как широка наша страна: мы вдохновлялись ее размерами. И вот пришел час, когда герой сказал: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва». Чувство нашло свою форму. Та Россия, которая, казалось, не умещалась на гигантской карте, оказалась, уместилась в сердце каждого. Народ-пахарь народ-строитель, народ-певец стал народом-воином.

Чудо не в смелости: издавна русский человек любил опасность. Это выразил Пушкин: «Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю». Об этом говорится в народных пословицах: «Смелость города берет», «Лучше умирать в поле, чем в бабьем подоле», «Не стерпела душа — на простор пошла». «Хоть надвое разорваться, да волю не достаться». Это подтверждает и русская история, изобилующая военными подвигами. Однако, чтобы разбить германскую армию, мало было смелости, нужно было мастерство, высокое искусство. Им овладела Красная Армия.

Война не была той стихией, которую предпочитал народный гений России. Были у нас полководцы, известные всему миру. Были замечательные солдаты, даже в самые темные времена нашей истории показывавшие талантливость народа. Были смелые походы и героические штурмы. Но не случайно смелый народ слыл народом миролюбивым. Конечно, русские солдаты хорошо штурмовали города противника; но наша смелость штурмовала тот «град справедливости», о котором испокон веков тосковал русский народ. Наша смелость — это Радн, этот Петр — не только у Шоттавы, а с

хлесткость выражения, недостойная хотя бы уже в силу своей хлесткости.

Человеку свойственно переживать обиду, но обиды — лишь первый дорожный камень на длинном пути, ведущем к подлинному страданию.

В немецкой тюрьме, где было много смертников (почти все были убиты), солдат, выгоняя заключенных на прогулку, требовал быстроты. Но было там много больных, израненных, наполовину замученных, — они выходили из барака с усилием. Тогда тюремщик вооружился палкой от метлы. Он бил его всех, не разбирая, больных и здоровых. Здоровые бежали, больные ковыляли и падали, солдаты — смеялись.

Вечером мы говорили, что есть мера оскорбления, что есть столь страшная ступень, когда человеческое достоинство уже не унижается, но возмущается. Они были благодарны за эти слова, потому что мера их страданий была невыносима, и потому

атласом, с рубашком, это декабристы, Чернышевский, неукротимые юноши в кандалах, это Ленин и это Октябрь, это диктатура Сталина, это Пушкин, Толстой, Сеченов, Лобачевский, это дровосек над логарифмами и пастух с глобусом, это большевики, это Малковский и это строители Магнитогорска. Не в завоеваниях искала своего выражения душа России. Только тогда, когда враг врывался в нашу страну, когда он оскорблял домом хлеба и сон ребенка, народ оставал все для войны. Так было в дни Куликова, так было в Смутное время, так было при нашествии двенадцати языков. Так и теперь: Красная Армия стала воплощением России, ее страстью. Мы отдаем все силы, все помыслы войне не потому, что полюбим войну; мы ее ненавидим; мы и воюем, чтобы покончить с носителями войны. Никто не осмелится сказать, что германская армия служит Германии. Германия служит германской армии; Рейх — это только привесок к рейхсверу. А Красная Армия — это народ на войне.

Много раз иностранцы подчеркивали демократическое происхождение наших генералов. Дело не только в том, что дети рабочих или крестьян стоят во главе дивизий и армий; дело в том, что они не потеряли связи с народом. Многие из них тридцать лет тому назад сражались против немцев как солдаты или младшие командиры. Генералы Руссоветский, Говоров, Батов, Пухов (я назвал тех, с которыми мне привелось об этом говорить) узнали солдатскую душу / в те давние дни, когда русские полки, преданные петербургской казармой, отважно сражались против армии кайзера. Потом они жили с народом, с ним боролись за свободу, с ним росли. Их биография — это история Советской России. Их волновали книги, стройки, радости и горести народа. У народа они взяли силу. Эта сила вместе с приобретенными знаниями и личной одаренностью помогает им быть искусными врагами. Немецкий генерал Хотт очень обиделся, когда генерал Пухов форсировал Днепр, не дожидаясь понтонной переправы. Генерал фон Клюге искренне возмущен тем, что артиллерия генерала Говорова пробрала / вторую / линию Зигфрида; генерал Манштейн негодует — его брат молодой генерал Черняховский, бегущий наперекор немецким устамам.

Наша командиры и бойцы знают, что битв немцев не легко. Сопротивление мастера повышает искусство мастера. Трудно битв немцев, но Красная Армия их бьет. Опыт у них замечательный «клепцы», а любимец немецких генералов / «жесток» попал на нашу кухню; в этом котле только что выкипели десять германских дивизий.

Образ нашего главнокомандующего как бы определяет характер Красной Армии. Я читал много статей иностранных специалистов о военном гении Сталина. Все понимаю, сколько нужно было душевной силы, зоркости, выдержки, умения, чтобы подготовить наше контр-наступление в декабре 1941 года. Сталин дал бой немцам тогда и

еще, что их достоинство требовало мыслить именно так, а не иначе. Они приняли все оскорбления и сохранили человеческое достоинство, унесли его с собой в могилу. Никому из них не пришло бы в голову страдать хлесткостью.

У эмигрантского «мыслителя» — пустая душа. Ни гнева, ни скорби, ни отчаяния, ни даже злобы. Простая злость, равнодушная и недостойная.

Он притворяется, в угоду кому-то или чему-то, он — лжец.

Он предан собственным словом. Оно повернулось к нам той стороной, где тень особенно черна и уродлива. Это — не «божественный глагол», не исток творчества, но трунное тление.

Труп — нем и глух.

Не для трупа сказано: «Огненного испускания, для испытания вам посылаемого, не чудайтесь, как приключения для вас странного».

Валериус.

там, где это было всего выгоднее Красной Армии. Гитлеру казалось, что он штурмует последние кварталы Сталинграда, на самом деле он губил свои последние штурмовые части. Сталин знал, что дело должно кончиться ударом на Дону и новым плачем Паулюса. В июле прошлого года Сталин позволил немцам у Новорей и Прохоровки истощиться; за этим последовало освобождение левобережной Украины. Сталин приказал форсировать Днепр, когда немцы этого не ожидали. Он измотал немцев на Волыни; в клубы дыма, окружавших контратакующих немцев, он разбавил Корсунское колоде. В этой стратегии много холодного разума, в ней много и творческого дерзновения, подлинного огня. Вероятно, нужно очень хорошо знать и жизнь, и свой народ, и душу человека, чтобы быть таким полководцем. Для этого нужно знать не только историю войн, но и Шекспира, и Чехова, и труд горняков, и слезы матери.

Напрасно клеветники, испуганные нашими победами, уверяют, будто мы променяли серпы на мечи. Мы стосковались по колосам. Но мы не можем жить, пока не восторжествует справедливость. Говорили: любовь сильнее смерти. Я скажу: это сильнее любви. Мы не мстительны и не злопамятны, но мы хотим справедливости.

Когда немцы в Бабым Яру три дня и три ночи убивали беззащитных евреев, они кинули маленькую девочку живой в могилу. Раздался крик: «Зачем вы мне шлите песок в глаза?» — ребенок не понимал, на что способны фашисты. Этот крик не дает нам спать: крик младенца, крик земли, крик совести.

Я вижу, как пройдут по улицам притихшего Берлина сибирские землепашцы, золотоскапатели, охотники, ставовары Ленинграда, токари Москвы, горняки Донбасса, уральские литейщики, ивановские ткачи, колхозники Приволжья, трактористы Украины, кавказские виноделы, лесорубы Севера, пастухи Казахстана, рыбаки, птицеводы, геологи, учителя, студенты, моряки, агрономы, путешественники, мечтатели, любители муз, ревнители правды. Они молча пройдут по аллею, которую немцы называли «Аллея победы», по длинной аллее, где высятся уродливые статуи завоевателей, они пройдут мимо тучных и злых валькирий, мимо тощих и злых немцев, мимо кривых прусских орлов, мимо паука со свастикой, который пьет сок крови Европы, мимо низости и зла, они пройдут, как справедливость, как первая армия глубоко человеческой победы.

Илья Эренбург.

24 февраля 1944 г.

(Из книги «Война»).

Главный Комитет Союза Земских и Городских Делегатов. Центральный Комитет Федерации Союзов Русских Дипломированных Инженеров, Союз Русских Дипломированных Инженеров во Франции и Московское Земельство с глубоким прискорбием сообщают о кончине

Петра Петровича ЮРЕНЕВА последовавшей 19-го января. Погребение состоялось в С.-Петербурге. Панихида будет отслужена в Александровском Соборе в воскресенье, 28-го января, после литургии.

Жена, дочь и друзья с глубокой скорбью извещают о кончине лейтенанта флота

Сергея Александровича БРУТА последовавшей 21-го января. Панихида по усопшему будет совершена на Дарю в понедельник, 29-го января, в 6 ч. 30 м. вечера

Р. Н. и Н. И. Гофман извещают родных и друзей о том, что по случаю годовщины со дня смерти

Нины Аркадьевны ГОФМАН в день ее ангела 27-го января состоится, в церкви на 8, rue Petel, в 9 ч. утра, заупокойная литургия и в 17 ч. 30 м. панихида.

Валериус.

Наши конкретные задачи

Уже писалось на этих страницах, что мы не собираемся присваивать себе какого-либо патента на патриотизм. Что патриотизм есть любовь к родине, это — прописная истина. И мы знаем, что любовь эта присуща всем русским людям и, в особенности, тем, кто чувствует и сознает себя русским. Но качество этой любви проверяется делом и поведением. Именно дело утверждает наш патриотизм, характеризует его свойство и нравственную высоту.

Вот почему мы говорим, что цель нашего Союза, объединившего нас в единую русскую семью, есть творчество русского дела здесь, во Франции.

Не будем искать каких-либо политических критериев русского дела, чтобы заклеймить патриотизм в патриотизме непримиримых, для которых Россия есть лишь Россия прошлого или Россия отвлеченного политического идеала. Такими политическими критериями мы не достигнем братского единения, а, наоборот, сами перессоримся или заблудимся в спорах об истинном понимании русского дела.

Скажем кратко: все то, что приносит реальную и конкретную пользу нашей сегодняшней родине, есть русское дело; все то, что подымает престиж нашей родины в глазах иностранцев, тоже есть русское дело; все то, что способствует чести и славе русского имени, есть, несомненно, русское дело; все то, что созвучно национально-исторической идее России, что претворяется здесь, как проявление русского духа,

есть равным образом русское дело; все то, что проникнуто русскостью, ее положительными моральными качествами, и что оберегается здесь, как сокровищница русского духа, или выдвигается, как наш дар на алтарь общечеловеческого служения, есть, конечно, тоже русское дело; и, наконец, все то, что свидетельствует о бескорыстном служении светлым русским идеалам правды и братского отношения ко всем народам вообще, а к униженным и гонимым — в особенности, есть настоящее русское дело.

Все то, что идет вразрез с вышеизказанным, что подрывает это или компрометирует или извращает и фальсифицирует, или не созвучно ему, есть плохое русское дело. А если оно, к тому же, идет на пользу врагам России и повторяется клеветникам России, то такое дело, как предательство нашей родины, будет объектом нашей борьбы для проявления именно нашего патриотизма.

Какие же конкретные задачи стоят на пути к осуществлению всех этих целей Союза?

Мы видим на этом пути три основные задачи:

Во-первых, мы должны подготовить себя к служению нашей родине у себя дома, на родной земле. Возвращение на родину — наша всеобщая мечта. На этом пути — у нас одно серьезное препятствие: 25-летний отрыв от России, этот огромный, нами вырытый ров. Преодоление его — дело нашей воли, горения нашего и энтузиазма. Время

— опасный враг, но оно может обернуться и другом, если уроки его мы используем для себя, как стимул для нашей энергии и как вежи для наших устремлений. Преодоление этого рова означает подготовить себя к водворению в советское гражданство («советское» мы понимаем, как то русское, в котором русскость дана, как историческое сегодня).

Каким же путем мы можем осуществить эту первую задачу — водворение в советское гражданство? Путь здесь один — культурно-просветительная работа над самим собой. Культурное перевоспитание наше в духе современных проявлений русскости у нас на родине, — вот этот путь.

Многим ли из нас под силу этот познание героический путь? Ведь путь этот означает победу над самим собой, победу духа над временем. Ведь это есть самая трудная победа. Будем же искренни и посмотрим правде прямо в глаза.

И мы должны ответить тогда, что путь этот — для немногих. Пусть не обижается на это эмиграция, если мы скажем, что мечта есть одно, а реальная действительность — совсем другое. Мечта у всех на языке, потому что она — от сердца, она наболела. На словах, все готовы хоть завтра пуститься в путь. Ну, а на деле? Кто не призадумается об этом серьезно? Думали об этом многие искренние и даже пламенные патриоты и те из них, кто имеет мужество перед собой сознаться, те поняли и сказали себе, что, увы, мечта остается и останется неосуществимой мечтой.

Почему же? Да потому, прежде всего, что все слишком устали, слишком измучены тоскою. И нет силы преодолеть эту усталость для юношеского дерзновения пуститься в путь в страну неведомую. В са-

мом деле, послушайте, что говорят кругом. Одни пережили на французских или польских фронтах замуж за французов; у других дети с великим трудом поставлены на школьный путь, и они не решаются сойти с этого пути; у третьих — хорошее и прочное место службы или годами накопленная клиентура; кое-кто сел на землю и прочными хозяйственными корнями врос в эту землю; многие загромождены нажитыми за долгие годы вещами и привязаны к этим комодам и диванам, как корабль якорями; не мало и таких, которых засосало, как болото, окружающий быт, и сил нет и только для того, чтобы разом порвать со всем, но и для того, чтобы хоть раз воздержаться от посещения соседнего бистро.

К этим семейным и бытовым причинам нерешительности для возвращения на родину прибавляются для некоторых и оскорбления политические. Одни, воображающие, что они сами умные, боясь, как бы в СССР не оказались гражданами второго сорта, как бы их там не засмеяли, и не будут ли их там третировать на улице мальчишки; другие — во власти 25-летнего гипноза о большевистском терроре, и, несмотря на весь свой безоговорочный патриотизм, побаиваются, как бы не угодить в Солювки; а третьи глубококомисленно решаются еще немного обождать, не распустит ли Сталин в СССР компартию.

Разве все это не эмигрантская жизнь? Во всей своей реальности и конкретности? Не будем же лукавить и лицемерить и скажем прямо: возвращение на Родину есть путь героический, волевой, для немногих. Вот почему подготовка к этому пути хоть и может быть первой задачей Союза, но она не есть его главная задача, т. е. задача для большинства патриотов не эмиграции.

Таковой задачей по нашему мнению может и должна быть лишь вторая задача. О ней превосходно сказал уже в одном из предыдущих номеров нашей газеты С. Оболенский. Это есть русское дело не у себя дома, а здесь, за границей. Вот тут русскому патриоту из эмиграции и книги в руки. Кто может быть лучшим проводником русского культурного влияния за границей, как не эмигрант — патриот, всеми своими корнями ушедший и вросший в местную жизнь, знающий местный язык, обычаи, привычки, слабые струны, потребности и вкусы тех кругов местного общества, где он принят, где он вращается.

И, наконец, третья задача Союза есть задача боевая — любитель для этого среди эмиграции найдется достаточно, ибо для нее это привычное дело. Непримиримая часть эмиграции, которую мы склонны считать патриотичной за то, что она радуется успехам врагов нашей Родины, всегда может оказаться соблазном этим врагам для использования ее в своих интересах. Как и раньше, они попытаются сделать ее кривым зеркалом России для фальсификации общественного мнения о России везде, где только возможно. Дело русских патриотов — выбить это оружие из рук врагов нашей Родины. Союз Русских Патриотов должен использовать все свои культурные силы, чтобы если не переспорить, то обуздать непримиримых и обезвредить.

Такова наша деловая программа. Мы не должны отчаиваться, мы должны помнить, что целая плеяда высоких и светлых русских людей, / проведших долгие и долгие годы за границей, делали большое русское патриотическое дело вдали от Родины на чужой земле, оставаясь памятными патриотами зарубежом.

М. Артамонов.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Дорога к Пушкину

За тысячи километров отсюда, в мертвом молчании северной зимы, покоятся под глубоким снегом оксфордские останки Пушкинского уголка Псковской губернии...

Срублены под корень обе вековые аллеи Михайловского, весь его парк; на месте домика няни безобразно торчит бетонная непонятная тумба (выразительный символ тупого и злобного бездушия этого народа); уничтожено Григорьевское, а в Святых Горах от древних соборов монастыря оставлены только груда камней, и самая могилка поэта не жилава гусно — кощунственного глумления: она была минирована.

В глазах иностранцев это «еще одно преступление», а для русского сердца — непереносимый ужас. Кажется, что второй раз застрелен Пушкин:

Пусть сердце бьется ровно,
В руке не дрогнет пистолет.

Юный Лермонтов с болью и гневом кричал в своих стихах:

Смелся, он дерзко презирал
Земли чужой закон и нравы,
Не мог понять он нашей славы,
Не мог понять в тот миг кровавый
На что он руку подымал.

Но эти с плоскими затылками и водянистыми глазами, привыкшие старательно и ледяно штурмовать не только всякий кустик на чужой земле, но и всякое выдающееся явление в культурной жизни других народов — эти были хорошо осведомлены о том, что такое Пушкин. И если их автоматически работающий мозг не был способен почувствовать ценности Пушкина, то во всяком случае они знали ему цену, как купец — антиквар знает по каталогам цену дорогих картин.

И именно, именно, определив цену, они и решили стереть с лица русской земли всякую вещественную память о Пушкине, превратить в пустырь тот драгоценнейший уголок, где все обильно было его гением, носило печать его творчества и в этом творчестве отразилось.

Обагачи! Русскую землю от всего ее культурного прошлого, снять с нее скальп (как когда-то индейцы снимали скальпы с вражеских голов) так, чтобы торчал только один костяк голого окровавленного черепа — такова была цель этих «защитников европейской культуры».

Видится мне через далекое пространство замерзшая Сорочь и застывшее под льдом озеро, а спешные суробы на их берегах и на крутом скате перед исчезнувшей усадьбой представляются белым погребальным покрывалом... Остались «праха», а как прекрасны и живописны были эти места.

Вспоминаю поездки мои туда. В первый раз в 1911 году в августе. От Пскова до Острова по железной дороге; от Острова до почтовой станции Новгородки на неуклюжем скрипящем автобусе, оглушительно грохочавшем и звеневшем всеми своими плохо прилаженными частями.

От Новгородки начинался уже совсем другой мир и даже другая эпоха. Почтовая станция эта, стоявшая на Варшавском «тракте», производила впечатление петровского памятника старого николаевского времени. У станционного смотрителя надо

было спрашивать лошадей и, дожидаясь, когда их подадут, сидеть в станционном «зале» с громадным кожаным диваном перед березовым столом, с обязательной «жадной книгой» на конторке... Окна, с выставленными двойными рамами, заплытые, засиженные мухами; муха бьет о стекло и заунывно жужжит в тишине. А тишина дремлет. Только слышно, как покапывает за стеной старый седоусый смотритель, похожий на отставного николаевского солдата, да где-то гремит ведром...

А вот они и «казенные объявления» на стенах, настоящие достопримечательности. Смотрю на них, читаю и удивляюсь, почему их не догадываются поместить в Пушкинский музей — ведь они того времени и, верно, висели здесь еще, когда тут проезжал поэт.

Потемневшая, толстая, голубоватая бумага с двуглавым орлом николаевского образца и на ней расписание, указывающее «с какой скоростью возить надлежит» фельдшеров и судных «по казенной надобности» и по своей. Расписание под стеклом в старинной рамке из карельской березы. В такой же рамке и меню, где в числе яств, когда то готовившихся на станционной кухне, на первом месте почетнейшими чернилами каллиграфически выведены: «шти суточные».

Идти приходится недолго (других проезжих нет): гремят железные шины по камням шоссе у станционного домика — лошади поданы.

Парная тележка, крепко оканная, с жестким кожаным сиденьем, с таким же облучком. Не на таких ли ездил «по казенной надобности» и во времена Пушкина. Не на такой ли мчал его самого в Москву к императору Николаю I специальный фельдшер, когда испуганная няня, по словам поэта, «...70-ти лет выучила науку» новую молитву о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости, молитву, вероятно, сочиненную при царе Иване.

От Новгородки до Святых Гор двадцать две версты. Лошади бегут бойко, а глаза жадно охватывают все и впереди и по обе стороны дороги, потому что здесь уже начинаются пушкинские места — область поэта. Нельзя без волнения приближаться к Святых Горам, по посещению могилы и монастыря я оставляю до обратного пути, чтобы успеть до полной темноты добраться в Михайловское.

Найти подводу в усадьбу поэта оказалось очень трудно. Во-первых, время рабочее — крестьяне возят снопы с поля, а во-вторых, о Михайловском здесь, за пять или шесть верст, никто и не знает. Я долго толкую, объясняю и, наконец, понимаю, в чем дело: у крестьян усадьба Пушкина известна под другим названием.

— Так это вам в Зуево надобно, — переспрашивает меня один из них. — Ну, да, Зуево, как же знаем, или еще Зуевский у нас зовут, а Михайловского мы и не слышали.

Когда уже вечер начинается спускаться, усаживаюсь в узенькую «навозную» телегу, на охотку сена, и рывчатый мужик на жиденькой лошадке везет меня по заросшим травой глубоким колеям проселка. Едем почти все время шагом по дугам. Впереди темнеет лес. Ни души кругом. Густеют сумерки, садится роса, становится по осеннему свежо.

Проселок, сворачивая, проходит близко к

ОТРЫВОК

Античный деловой день начинался рано. Люди спешили приступить к работе, чтобы закончить все свои дела до наступления ночной темноты, когда в домах Иерусалима или Кесарии Приморской зажигались не электрические лампы, а скудные масляные светильники. Чадная лампа давала довольно света, чтобы на пирушке не пролить вино из чаши, чтобы насладиться в сумерках опочивальни взволнованным лицом возлюбленной, чтобы читать на ночном ложе любимую, много раз перечитанную книгу, по такого освещения было недостаточно для общественной жизни или судебного разбирательства.

Над Иерусалимом запылал рассвет. Иерусалим медленно возникал из мрака — розовый город, просыпавшийся к жизни после ночных вздохов, блок и сонных видений из апокалиптических книг. В окрестных селениях нели потухи. В ответ на петушиное пение в Антонии протяжно затрубила римская труба.

Пилат должен был проснуться до рассвета. Раб подал ему серебряный сосуд для омовения. Другой служитель принес немного воды в чаше, чтобы господин мог утолить утреннюю жажду и прополоскать рот. С этого момента вода начиналась рабочий день каждого приличного человека той эпохи, от изишествах которой нам столько писали сочинители исторических романов. Домашний врач, тоже раб, элли из какого-нибудь малоазийского города, где была в почете медицина, справился о здоровье патрона и о том, как он провел ночь. Прокуратор перенял тунику и отдал себя в распоряжение бродяг. Во время мучительной и долгой процедуры бритья, он успел высказать докладчику, который начальствовал когортой в Антонии и начальника согаядаев.

Но Пилат слушал рассеянно, думал больше о своих личных делах и о неприятностях по службе. В приемной дожидались клиенты. Среди них могли быть люди, приехавшие из Рима. Что происходило на мильных берегах Тибра? О чем говорили в доме цезаря языки клеветников, развратников и

остаткам укрепления XVI века. На потемневшем небе величаво и несколько мрачно вырисовываются их очертания. И странное ощущение возникает в душе: вечерний сумрак, молчание пустыных полей, вот эта тележка с маленькой лошадкой и мой возница в домотканном зипуне и ушасть шалке — разве все это так уже изменилось со времени Грозного и Годунова. Может быть, и на самом деле здесь еще живет и дышит прошлое и сохранилось оно не только в земле, в виде медных нательных крестов, медных шишаков московского ополчения, но и в понятиях, в чувствах вот этих псковских крестьян... И, конечно, образ царя Ивана для них уяснимое образа Пушкина... Древность веет от земляных стен Воронича, от огромных деревьев на этих стенах, от больших каменных валунов на пашне. Вот она, старая псковщина, седая, нетронутая. Она занимает собой мысли и чувства, неудержимо влечет к прошлому, к воспоминаниям о Ливонской войне, об обороне Пскова, о героической фигуре князя Ивана Петровича Шуйского, знаменитого полководца той эпохи, о доблести и воинских талантах которого знали даже его современники в Англии.

Начиная с самого Пскова и его древней-

гущев? Может быть уже плыла по волнам равнодушной стихии императорская табельная с декретом об отставке? Что тогда? Ссылка на какой-нибудь отдаленный остров, конфискация имущества или смерть в мутной от благоволия ванне под слезы и рыдания Клавдия Прокулы, перепуганных друзей и домохозяев?

Однако, надлежало торопиться, потому что в претории ожидало очередное судебное разбирательство. Пилат облачился в тогу, привычным жестом закинул под мышку римского одеяния и последовал в преторию, перед которой уже бушевала восточная фантазия толпа.

Утро было прохладное, ибо зима только что приходила к концу. Стояли предвещавшие дни. В городе было много людей, пришедших на праздник из Галилеи и даже приплывших на кораблях из Александрии или Антиохии.

Как представить себе это далекое для нас иерусалимское утро? Возвращавшиеся жители толпились перед дворцом Ирода, который римские прокураторы избрали для своей резиденции. На трибуне претории уже стояло курьезное кресло прокуратора Иудеи. Отсюда, окруженный ликторами и трибунами, представитель Рима обращался к израильскому народу, верши правосудие, посылал людей на кресты или на бичевание.

В то утро Пилат тоже появился перед народом. Лицо его очень трудно рассмотреть в этой восточной суете. Точно мы стоим в самых задних рядах зрителей. Но это был гордый римлянин, такой, каким представляли себе римлян побежденные народы. Морщины несли бровей, водянистые глаза, патрицианская горбинка носа. Коротко остриженные, по моде той эпохи, волосы.

Что могло еще отразиться на этом лице? Падагра, болезнь печени или тучность — наследственные недуги магистрата, результат слишком обильных ужинов и долгих сидений в судебных базиликах.

Вокруг него стояли приближенные и перешептывались, прикрывая рот рукавом. Среди них, может быть, стоял сотник из Ка-

стей, все здесь в этом краю уводит далеко в глубь веков и охватывает очарованием старины, почти физическим ее ощущением, которого не может создать ни один самый лучший музей с его замурованными экспонатами и витринами. Здесь хранителем древнего духа является сама природа — земля псковская — и она что-то невидимо и незаметно напечатывает человеку, особенно в сумрачной вечерней тишине, когда замирает всякая жизнь, а вместе с нею гаснет и чувство времени.

И не раз мелькала у меня мысль о том, что именно вот этот древний дух Псковщины заронил в душу Пушкина тему Годунова. Не даром, может быть, указывает он и на Городище Воронича в своем письме к кн. Вяземскому от 13 июля 1825 года:

«Передо мною мучаю трагедия. Не могу вытерпеть, чтобы не выписать ее заглавие. Комедия о настоящей беде Московскому Государству, о царе Борисе и о Гришине Отрепьеве. Писал раб Божий Александр сын Сергеев Пушкин, в лето 7333, на городище Ворониче».

До Михайловского добираться мы поздно, когда солнце уже скрывается за его рощами.

М. Курдюмов.

ЗОЛОТОЙ МОСТ

(НЮРЕНБЕРГСКИЕ РАССКАЗЫ)

Зоркий луч, как бы играя, упал на лицо старого Босса и медленно заскользил вниз, от носа к подбородку. Когда он добрался до сухой желтой лодки, лодка стала вдруг живой и прозрачной, светлая даже зашевелилась. Вслед затем умирающий раскрыл глаза и без любопытства стал прислушиваться к разговору — это доктор давал последние наставления.

Курт, рыжий и небыстрый, равнодушно слушал его разглагольствования, пожимая тяжелой глинистой трубкой и рассеянно поглядывая в окно. Рослая яблоня простирала там свои мощные ветви, отягощенные крупными плодами. За прозрачной занавеской покачивалась теплая зеленая листва, нависая пропавшая солнцем. Разговор показывался Боссу скучным. Он перевел глаза вправо. Дверь в кухню была раскрыта, над плитой поднимался густой наваристый пар. Анна озабоченно мариновала в горшке деревянной ложкой, изредка утирая глаза и нос застиранным передником.

Вот она положила ложку на плиту и подошла к самой двери. Ее худое лицо выжало тревогу.

— Так, значит, нет никакой надежды, — жалобно спросила она.

— Какая надежда, — весело закричал доктор, — до вечера, пожалуй, протянет, но никак не дольше, никак не дольше.

Анна тихо заплакала. Но из горшка что-то с шумом побежало, и она ловительно бросилась обратно, заперев по дороге табурет.

Босс молча наблюдал за дочерью — ему несколько не было ее жалко. Что же касалось зятя и доктора, то к ним он испытывал скучное и томительное неприятие. Особенно раздражал доктор: этот старый пьяница словно радовался его смерти, он часто поспевался и поминутно шмыгал носом, похожим на толстую разваренную морковку.

— Часа два поживет, считайте для верности три, а к вечеру обязательно кончится.

Он погнался себя по толстому животу, вынул часы, послушал их и нехотя приподнялся со стула.

— Пора. У вас тут отлично, прекрасное хозяйство. Старик не даром торгит воздухом. Старый Босс кашлянул. Доктор немедленно подкатился к нему и охотливо

хлопнул его по плечу. Затем, раскрасневшись, криво стал натягивать на себя асальное пальто, отскакивая глазами плечу.

Курт постукал пальцем по трубке и затанцевал, но в чубуке лишь угадал — табак горел без остатка. В ленивой его голове медленно зарождалась и зрела мысль, которую следовало высказать.

Зарыв трубку снова, он почесал мундштуком щеку и, не глядя на доктора, заговорил:

— Так вы говорите, господин доктор, что отец к вечеру обязательно умрет.

Доктор кивнул головой.

Курт глубоко затынулся. Сырое лицо его побавровело.

Подумать только, сколько хлопот, — размышлял он вслух, — или вы согласны сейчас же написать бумагу.

— Нет, этого я никак не могу, — лукаво ответил доктор, — где же видано, чтобы живому человеку выдавали удостоверение о смерти.

Анна, прислушиваясь одним ухом, снова оставила свои кастрюли и подошла к порогу.

— Тогда, быть может, господин доктор, может подождать у нас, — подобострастно спросила она. — Вспомните, ее лицо было мокро от пара и слез.

— Что вы, что вы, — замахал доктор руками, — у меня обширная практика, дорожал госпожа Кнапп.

Старый Босс посмотрел на него со злостью. Было ясно, что это вымогатель притворства, какая у него практика? Он просто ждал вытати. Курт пригнулся раскопаться. Действительно, Курт отшел в угол и заговорил с ним шепотом. Потом оба они вышли в соседнюю комнату. Сделка состоялась.

После отъезда доктора, время потянулось еще медленнее. Кривоколенные часы с кукушкой остановились с утра, и никто не догадался завести их снова. Тонко поскрипывал раскопавшийся комод. Под портретом Лютера, на короткой паутинке болтался кусочек штукатурки. Каждую минуту он мог оборваться и упасть, однако же не обрывался и не падал.

Босс задремал.

Неожиданным часам, несомненно и миро-

любиво уходил летний день, покрывая землю золотистой тенью загара.

Босс задремал.

Разбудил его страшный шум в кухне, это Анна тащила детей.

— Ты должен проститься с дедушкой, — кричала она девятилетнему Фреду и ожесточенно крутила его толстое ухо.

Фред громко ревел, упрямо тряс своей круглой стриженой головой и изо всех сил упирался в порог. Наконец, Анна дала ему шепсел, от которого он вольком завертелся по кухне, и пулей вылетел из двор, оглашая вечерний воздух громкими воплями.

Маленькая Марта, в одних штанишках, из заднего разреза которых восторженно торчал хвост рубашки, молча наблюдала за матерью и как бы обнюхивала воздух. Устрашенная примером брата, она мыльными шапками подбежала к дедушке, с хитрой улыбкой хлопнула лисцем носиком его тяжелой неподвижную руку и поспешила прочь. Безобразия ее косички мельз трепалась и попрыгивала меж усталых лопаток.

Вскоре детские голоса послышались уж у колодца. Фред весело качивал воду, а Марта плыла по ней босыми ногами.

Потом появились Курт. Он постоял над стариком, равнодушно поглядывая в мутные его глаза и отшел в угол. Анна склонилась у изголовья, всхлиывая на всю комнату.

Неожиданно заняла собака. Это была целая гамма нарастающих звуков, жалобных и звонких. На самой верхней ноте они обрывались, чтобы через минуту возобновиться с новой силой. Ласково можно было представить себе горестно оскаленную морду, высоко загнутому вверх, туда, где в неразличимых шумах и трепетах зарождалось ужасное, ли с чем несравнимое безобразие.

И в предчувствии этой тишины зверь то скакал, плотно прижимая к шерsti свои уши и парывая когтием землю. В дом входила смерть.

Слушая нестерпимый собачий вой, Анна наклоняла голову все ниже и ниже; всхлиываясь ее перешли, наконец, в рыдания.

Даже спокойный Курт зашевелился в своем углу, посмотрел на умирающего с тупым страхом и подошел ближе.

Губы старика дрогнули.

— Он что-то говорит, — шепнула Курт, толкая жену локтем.

Анна быстро нагнулась к отцу.

— Я слушаю, я слушаю, — сказала она.

Босс натужился, вздохнул и прошептал:

— Почему никто не отягнет собаку?

Кли вы все отложили?

Сердито посмотрел на Курта и умер.

Обычно Анна спала без словидений. Только очень редко, после особенно сильных переживаний, ей снились какие-то запахи, то ли соевых огурцов, то ли квашеной капусты. Но этой ночью она уже несколько раз едва не проснулась. Какая-то мысль, забытая и неуловимая, не давала ей покоя. Вот-вот готова была облететь в слово или образ, но настойчиво напылывал незнакомый, странно враждебный запах, и все воспоминания растворялись в нем бесследно.

Анна беспокойно ворочалась, валилась, и, наконец, проснулась.

Рядом бесечно сопел Курт. В углу, на широкой постели безмятежно спали дети, их очертания привычно угадывались под белой массой перины. Солнечные дыхания, исходящие из спокойствия ночного сна, по новому привлекали внимание, быть может, слегка вольново.

Анна осторожно спустила ноги, нагнула старые стоптанные туфли и задумалась. Надо было во что бы то ни стало вспомнить то-важное, что долго тревожило ее во сне, иначе произойдет нечто непоправимое.

И вдруг сердце ее резко екнуло — она вспомнила.

Вся кровь бросилась ей в голову. Мигот влилась она в мужа, лихорадочно затеребила его, затолкала, почти отчаявшись, что он может проснуться.

Курт недовольно замычал спросонья и поднял, наконец, голову.

— Вставай, скорей вставай, — шептала ему Анна в самое ухо.

— В чем дело? — зевая, спросил он.

— Тихе, тихе... Вставай же — мы забыли золотой мост.

Курт собрался не сразу. Потом медленно вывалился из постели, почесал спину, подумал — и направился в комнату, где хохотал старый Босс. Анна, затаив дыхание, следовала за ним. Действительно, оба они едва не забыли, что у старика была золотая челюсть, великолепный мост, стоивший немало денег.

Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить детей, они принажились за дело. Анна неуловимо ошпылающей свечей. Курт по очереди исследовал зубы покойника — работа искусного городского доктора, в свою очередь, требовала искусства. Можно было до утра ударять по клыку или рецу, — они не поддавались. Курт нытал и обжи-

перлаума. Секретарий подал прокуратору несколько листов папируса. Пилат прочел на одном из них:

«Дело о Иисусе, сыне Марии, именующем себя царем Иудейским».

Прокуратор равнодушно смотрел на подсыхавшие, на этих мителников и врагов римского порядка, и на весь мир. Это был некий человек, не очень хорошо улаживавший директивы той гибкой политики, которой придерживались в Риме по отношению к завоеванным провинциям. По крайней мере такую характеристику дает ему в своих «Древностях» Иосиф Флавий, поместивший имя Понтия Пилата в списке палестинских администраторов. Пилат печально кончил свои дни в ссылке, в Галилии, где-то около Вьенны. Но в то утро в его руках была власть над жизнью других людей. В претории происходила очередная трагедия.

Но эта трагедия, в которой для верующих был слышен шум ангельских крыльев, разрывалась пред равнодушными зрителями римского мира. В Риме строили новые доходные дома. Торговый корабль, — может быть, те «диоскуры», на которых потом плавали римские граждане и гениальный пропаладист Павел, — шел с грузом пшеницы из Александрии в Рим. Рабы вращали жернова. Укрывшись хланной, вадкая на своем чердаке элегический поэт.

Было очень холодно среди этих юридических римских пустынь. Сам цезарь самовластно в своей счастливой звезде, когда ему мешали спать дурные известия из Германии. Среди множества забот не было места бедной человеческой душе, которую Платон называл Психей, а Иудей запяканной Ахатом, томившейся в темнице тела, влекомой от кораблекрушения к кораблекрушению.

Мы можем более или менее ясно представить себе картину римского мира той эпохи, организацию его экономики, его городские пейзажи и формы его поездов и кораблей. В те дни жили Мессалина, безобразная Понпея, Тибериус, Нерон, Сенека, легат Киприкий и Квинтилий Вар. Нам известны дела и пороки этих людей, даже их манера писать письма. Нам известно состояние здоровья Сенеки. До нас дошли некоторые мраморные изображения. Пусть голени императоров назывались нарочно мужественными, а улыбки сановников благостными, но все-таки от портретных изображений. От этого мира нам остались каменные ведемы, капища, конфирмация почты в Иерусалиме, чудотворные мозаичные ядры и монеты. Если бы не музейная надпись, что запрещается трогать выставленные предметы, мы могли бы взвесить на руке серебро динарий. Мы знаем много «газетных» подробностей. О том, какую причиску носила Понпея и какие были имена у цирковых коней. Мы знаем все подробности о поражении легионов Вара, того самого, что заставил крестами всю Иудею, когда шел девятый год нашей эры, и Иисус, может быть, впервые произнес в школе бравую «кафе».

Все было полно реализма в ту ночь и в то раннее утро. Была зима. На дворе претории горели костры, в которых сгорали тернии, служившие топливом в этой бедной лесами каменной стране. У огня грелись люди, в арамейском языке которых слышался акцент Галилеи. Это отчаянно заметила служанка первосвященника. При свете костра мы отчетливо видим ее любопытные глаза. Но лицо Иисуса скрыто благочестивым туманом...

Ант. Ладинский.

Анна лизала потерть терпение. Она помогала мужу советами и телодвижениями, но все это было ни к чему. Вспомых она едва не выронила из подсвечника свечу и капнула жидким воском прямо на мертвый язык.

Курт озябл не на шутку.

— Ты еще сожжешь весь дом, — проворчал он, — поставь-ка лучше свечу на стул да принеси щипцы.

Анна лизала потерть терпение. Она помогала мужу советами и телодвижениями, но все это было ни к чему. Вспомых она едва не выронила из подсвечника свечу и капнула жидким воском прямо на мертвый язык.

Курт озябл не на шутку.

— Ты еще сожжешь весь дом, — проворчал он, — поставь-ка лучше свечу на стул да принеси щипцы.

Анна заторопилась, неожиданно легкой, почти девичьей походкой побегола она на кухню, порылась в столе и вскоре вернулась с клочками, которыми обычно выдергивают гвозди.

— Ну, теперь держись, — сказал Курт. Он осторожно понари инструментом во рту покойника, туго уперся коленом в его грудь и рванул: золотой мост вместе с двумя настоящими зубами ловко вылетел наружу, со стуком прокатился по полу и задел под шкаф. Анна поспешно достала его рукой, селка обтерла краем рубашки и довольно кивнула головой: золотого было отлично, — только следовало промыть в горячей воде.

Закончив работу, Курт снова почувствовал сонливость и, переваливаясь на ходу, пошел в спальню. Прежде чем последовать за ним, Анна еще раз всхлинула над трупом отца, заботливо подвязала его отвалившуюся челюсть белым платком и пригладдила заднюю седые вздернутые волосы.

Близился рассвет. Фосфоресчае сумерки, заподнявшие обширный сад становились вежливой и светлее. Затворились последние блеском и угасали бледные предутренние звезды. Все отчетливее вырисовывались в чистом воздухе раскисшие, налитые обильным соком земли, сучья деревьев. Порою, с полновесным звуком падало в густую траву рано созревшее яблоко. За крылом ветрильной мельницы, сторожающей вершину дальнего холма, проступала розовая полоска зари.

Потом откуда-то вылетела маленькая веселая пчелка. Хлопотливо жужжа, она покружилась над влажным кустом бузины, неуверенно снизилась, снова взвилась и через невысший забор косо перелетела прямо в открытое поле.

Вл. Пиотровский.

БЕЛАЯ И АЛАЯ РОЗА

В прежние годы в хронике эмигрантских газет доминировали время от времени заметки, в которых сообщалось, что такого-то числа, в таком-то помещении состоится банкет или товарищеский ужин по поводу какого-нибудь белого похода или добровольческой годовщины. Произносились соответствующие тосты и говорились подходящие случаю речи. Но, в конце концов, все было довольно безобидно. Ведь все это служило, главным образом, не только поводом выпить рюмку водки в своей компании, но и вспомнить те годы, когда люди были не пофферами и малрами, а командовали эскадрами и полками. А вместе с тем вспомнить многое другое, свою молодость, когда ветер был в голове, — эти двадцать или двадцать пять лет, морозный румянец, какое-нибудь раннее украинское утро, снег, теплую хату и яичницу из десяти яиц. Или пахучие росистые поля, горечь полыни, острый запах конского поа, поскрипывание седла, разговор с безобидной поселенкой у классической колоды с журавлем, как в старинном сердечническом романсе, и те сражения, в которых учащено и билось сердце.

Следует, однако, отметить, что такие собрания никогда не были многолюдными и отлично умещались в какой-нибудь ресторанный зал средних размеров. Большинство эмигрантов, даже принимавших участие в белой борьбе, относились к этим банкетам с полным равнодушием. Наоборот, многим хотелось бы возможности скорее забыть о прошлом, и для таких людей воспоминания о гражданской войне казались неслепым сном или тифозным бредом, тем более, что все часто кончалось именно кошмарами в тифозной теплушке.

Но от прошлого отказываться нельзя. За него приходится давать отчет, если не перед строгим трибуналом, то перед историей. Что было, то было. Что же происходило тогда?

Не будем пока говорить о закулисных махинациях белого движения и о тех исторических обеспокоенностях, которые делали революцию неизбежной. Поговорим только о том, что было в поле зрения белой молодежи. Пропорции и поручики, студенты и юнкера шли против III Интернационала, и в патристическом порыве умирали за единую и неделимую Россию. Брест-Литовский мир, — кстати, подготовленный незадачливыми царскими министрами задолго до Октябрьской революции, — казался позором, который можно было смыть только кровью, а миссия старого мира принималась за подлинную красоту жизни.

Все было просто и ясно и прикрывалось приказом обожасмого командира. Люди не задумывались о том, что будет завтра. Ударные полки, кориниловцы и марковцы, енисейские каппелени или псковские табалды, бесстрашно шли в атаку. Бронепоезд «Иван Калита» был из своих тяжелых орудий подбил в чьем неповинной деревне. Марковские офицеры, как в фильме «Чапаев», с винтовками «на ремень», с напирасами в зубах,

спокойно переходили поле смерти. Из-за леса вылетела конница Яблбы...

Но пока на фронте лилась кровь, в тылу пухли штабы и ослали, формировались призрачные шефские полки и сильно понахивало нефтью.

С чем же эти молодые люди шли умирать? Их ничего не дали кроме лозунга «единой и неделимой». Их не вешивали в нефтяные дела. Но груз офицерского звания, эти две-три звездочки на плечах, был настолько велик, что увлекал молодежь в водоворот событий. И тем не менее у многих возникали сомнения.

Однажды белые захватили какую-то станцию, на которой оказалась не разорванным телефонный провод с красноармейским полком. Немедленно произошел не очень пензурный разговор. Но говорили и о серьезных вещах. Красный командир спросил:

— За что вы воеете?

— Мы воюем за Россию, — сказали на станции.

— Нет, это мы воюем за Россию, — последовал ответ.

Все было, конечно, не так просто, как казалось этим молодым офицерам. Советский командир был прав, когда утверждал, что он воевал за Россию, или вернее за ее тяжелую славу быть впереди других народов в трагических процессах мировой истории, за ее волю взять на свои рамена возможно большее бремя страданий, за ее великую судьбу, с которой переплелись судьбы украинцев или кавказцев, татар или армян.

Однако, все это в прошлом. Что осталось теперь от Брест-Литовского мира? Кто-то видел дальше и лучше, чем молодые зорьки, но не проникательные глаза прапорщиков.

Государственные границы разумно восстановлены. Целые республики добровольно присоединились к Союзу. Это не фарисейство. Добровольно и на вечные времена, хотя это, может быть, и не нравилось людям, ставшим президентами или поселившимся в маленьких поселках особнячках Парижа и Берлина. Наконец, тот длительный и трудный процесс собирания земель трехглавого русского племени, который не удавался царскому правительству. Что еще? Советская государственность отделилась от III Интернационала. Могло бы при таких условиях возникнуть белое движение? Конечно, не могло.

Ведь никто никогда из участников белого движения не говорил, что воюет с советской властью за восстановление старого режима или возвращение национализированной собственности, своих имений и привилегий. Во-первых, потому, что в рядах белых армий было много разночинной бедноты, а во-вторых, потому, что даже представители помещичьего класса как-то легко примирялись с утратой имущества. Вся жизнь была впереди и казалась замечательной и без этих скучных усадеб, ничего не приносящих, кроме забот и хлопот.

Были, конечно, отдельные случаи, когда ярко выступал классовый характер белой борьбы. Происходили дикие расправы в соседних с разоренными дворянскими гнездами деревнях. Однако, это было не самое характерное в белом движении.

И теперь, когда для борьбы с советской властью отпали все предпосылки патристического характера, что же осталось от «белой мечты»? Не лучше ли забыть обо всем этом, как о неприятном сне или тифозном кошмаре?

Но, оказывается, годовщины еще вспоминают. Без банкетов, за чайным столом, но не без политических высказываний. Например, по поводу одной белой годовщины пущена по Парижу та анонимная листовка, о которой была заметка в прошлом номере нашей газеты.

В задаче настоящей статьи не входит подмешка с авторами этого документа, выпущенного в те самые дни, когда советская армия истекает кровью. Хотя попутно можно было бы спросить: а разве не в Советской России уничтожена власть капитала? Разве не подражают другие государства этатическому советскому хозяйству? И еще два слова по поводу «самодельности», по которой тоскует листовка. Самодельность очень хорошая вещь, когда за нею не скрывается намеренье отобрать от народа те блага, которые дала ему революция.

Можно было бы и еще кое-что прибавить к этому. Но с людьми, которые желают, как и мы, победы родине, не хочется говорить в запальчивости и раздражении. Позвоительно думать, что люди не имели мужества продумать все до конца. А между тем, война еще не кончена...

Подумали ли авторы явно фашистской листовки, собравшись за чайным столом (а все они мзгут уместиться за одним столом), на чью мельницу эта вода? На немецкую мельницу. И это самое печальное в истории с листовкой.

Но главное, может быть, в самом деле пора уже забыть о походах и годовщинах? Что в сравнении с нынешней войной бой под Каховкой? Что в тысячелетней истории России два-три года междоусобицы? Настает время, и гражданская война будет на страницах гимназического учебника такой же отвлеченной и туманной, как война Белой и Алой роз. От нее ничего не останется, кроме мемуаров.

Когда-нибудь, и, может быть, очень скоро, наступит час торжества и окончательной победы не только над врагами, но и над теми огромными проблемами, которые выдвинула революция. Как после полтавской виктории победители поднимут задранные чашки за учителей. Советские люди любят учиться. Они будут пить за Суворова и за Клаузевица. Но в какой-то степени были учителями Красной Армии и эти профессионалы военного дела, кориниловцы и марковцы. Их оружием история напомнила революции о грозной со всех сторон опасности. В гражданской войне народ научился воевать. Это был первый завет советской стали. Об этом при случае вспомнит бесстрастный историк. Остальное — война Белой и Алой роз — в школьном учебнике.

А. Л.—ский.

Протест белорусских патриотов

Резолюция, принятая на общем собрании белорусских патриотов, в присутствии 360-ти представителей 18 декабря 1944 года, в Либеркур (Пале-Кале).

— Уже некоторое время на страницах европейской эмигрантской печати дебатруется «проблема» восточных границ Польши.

Хотя польское народное правительство в Люблине приняло предложение правительства СССР, согласившись на установление границы между Польшей и Белорусской ССР на основе линии Керзона, и, несмотря на то, что линия эта не только не отрезает от Польши действительно польских земель, а, наоборот, дает полякам некоторую компенсацию, — польские шовинистически-фашистские эмигранты в Лондоне, с выражением «обиды» на лице и с неумолимой энергией продолжают вести пропаганду, с целью вызвать к себе сочувствие и поддержку в демократическом мире, в расчете на неинформированность в этом вопросе.

Поэтому, белорусская трудовая эмиграция во Франции, объединенная в Союзе Белорусских Патриотов, заявляет всему цивилизованному миру следующее:

1. Четыре бывших воеводства: Виленское, Новогрудское, Брест-Литовское и Пинско-Полесское, согласно почти всем исследованиям, не только белорусских этнографов, но и русских, и других европейских ученых и даже большинства этнографов польских, являются этнографическими землями чисто белорусскими, где польское национальное меньшинство не превышает 4-х процентов.

2. Земли эти, на которые заявляет претензии польское фашистское правительство в Лондоне, с самого начала своей истории и до 1921-го года никогда в состав польского государства не входили, а с начала XII века и до 1772 года принадлежали самостоятельному белорусскому государству, называвшемуся Великим княжеством литовским, которое лишь некоторое время находилось в политическом союзе с Польшей.

3. Земли эти, присоединенные насилем, против воли белорусского народа, в 1921 году, ставшие административной частью Польши первый раз в их истории, явились очагом протеста белорусского народа, который польские правительства подавляли ужаснейшим террором, установив неустойчивое военное положение в этих землях, чтобы не допустить отделения их от Польши и природного их стремления к слиянию с остальными этнографическими землями Белоруссии по другую сторону границы «Польши».

4. Из вышеназванных четырех воеводств, воспользовавшись сложившейся политической обстановкой, схватили 28 октября 1939 года в Белостоке 598 депутатов и единоголосно и торжественно постановили провозгласить разрыв связи с польским государством и присоединение к Белорусской ССР, чтобы, таким образом, положить ко-

нец искусственному разделению Белоруссии.

Посему, Польша не имеет ни исторических, ни этнических, ни моральных, ни каких либо других прав на вышеназванные земли.

Земли эти являются, как этнические, так и исторически землями чисто-белорусскими, представляя собою цельный организм с остальными белорусскими землями, как в культурно-духовном, так и в хозяйственном смысле.

Посему, претензии польского «правительства» в Лондоне, как и претензии каких либо других польских фашистских организаций, основаны исключительно на гитлеровском принципе захвата «жизненного пространства».

Посему, белорусская эмиграция во Франции, объединенная в Союзе Белорусских Патриотов, как эмиграция из вышеназванных земель, как жертва польского политического и экономического террора, заявляет всему миру протест против насильственных намерений захватить опять белорусские земли, вновь поделить белорусский народ, с целью его позднейшей ассимиляции.

Мы верим, что весь цивилизованный мир, в конце концов, поймет и признает правду, прислушавшись более внимательно к голосу справедливости.

Голос польского правительства в Лондоне, это — голос не сдвинувшегося польского фашизма, голос захватчиков чужих земель.

Голос наш, голос белорусского народа, это — голос, требующий признания общечеловеческих прав, гарантированных великими принципами демократии.

Белорусские земли не могут служить резервуаром для удовлетворения аппетитов разных фашистов-империалистов!

Председатель Союза Белорусских Патриотов в Франции: Казимир.

Секретарь: Кондрашев.

Либеркур, 18 декабря 1944 года.

СОЮЗ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВО ФРАНЦИИ

Объединение русских писателей во Франции обратилось в Союз французских писателей с выражением соболезнования по поводу смерти Ромэн Роллана и присоединилось к предложению о перенесении его праха в Пантеон.

ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКОГО ЮНОШЕСТВА

В воскресенье, 28 января, в 15 час., в помещении: 40, rue Сэн-Дидье, Париж (16), устраивается открытое собрание Объединения русского юношества. В. Корвин-Пютовский прочтет доклад на тему: «Молодежь в СССР и в эмиграции».

Хроника Союза Р. П.

ПРИЕМ ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕЧАТИ

23 января, в помещении Союза, состоялся торжественный прием парижской прессы, в основном посвященный выставке картин известных художников, пожертвовавших свои произведения в пользу бывших советских военнопленных. Союз был представлен председателем правления, А. В. Говоровым, ген. секретарем И. П. Ясинским, казначеем Союза Л. А. Савицким, председателем Комитета помощи бывшим военнопленным Г. З. Шибановым, членом комитета Н. М. Ермашовым, зав. художественной секцией Л. С. Ходосевичем; редакция «Русского Патриота» была представлена С. С. Оболенским. После краткого вступительного слова генерального секретаря Союза, С. С. Оболенский кратко ознакомил гостей с нашими задачами, в связи с историческими событиями последних лет, подчеркивая при этом, как основную цель, «служение нашей родине, в меру наших сил и возможностей, а также содействие полному взаимопониманию между нею и ее западными друзьями; одной из практических задач является помощь бывшим советским военнопленным, разбросанным по лагерям, и в силу общих тяжелых условий жизни во Франции, затруднений транспорта и т. д. все еще находящимся в тяжелых условиях. Г. З. Шибанов и Л. С. Ходосевич рассказали о подготовке выставки, о трудностях, которые пришлось преодолеть; выставка будет торжественно открыта в конце будущей недели, под высоким покровительством ген. Кеннига, ген. Другуна и других видных французских деятелей.

Представители французской печати всех направлений выразили полное сочувствие этому начинанию, как и общим стремлениям Союза. Тосты за ген. де Голля, за маршала Сталина и за Красную Армию подчеркнули единодушие всех присутствовавших, еще более выявившееся в последовавшей дружеской беседе.

ОТДЕЛ ЛЕКЦИЙ И КУРСОВ

В среду, 31 января, в помещении Союза, состоится лекция Н. Г. Захарова на тему: «Государственное и экономическое значение колхозов».

2-го февраля — доклад на русском языке, лейтенанта-полковника французской армии Б. Б. Бродского: — «Жизнь в концентрационных и штрафных лагерях Германии».

По понедельникам — собеседования для членов Союза и кандидатов в члены. Ответы на вопросы идеологического и практического характера.

Начало лекций и собеседований — в 20 час. 15 мин.

Вход на лекции — свободный. На покрытие расходов — 3 фр. Безработные и учащиеся — 3 фр. На собеседования вход — бесплатный.

КНИЖНЫЙ КИОСК

С 1-го февраля киоск будет открыт ежедневно, от 3 час. дня до 6 час. вечера.

КОМИТЕТ ПОМОЩИ БЫВШИМ СОВЕТСКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ И ДЕПОРТИРОВАННЫМ
С. Р. П. 4, rue de Galliera.

Зал Плейель **ВО ВТОРНИК, 6 ФЕВРАЛЯ 1945 ГОДА,**
в 20 час. 30 мин.

Большое кинематографическое Гала
В пользу бывших советских военнопленных и депортированных

Первое представление двух больших советских фильмов

в честь великодушных артистов и организаторов выставки — распродажи произведений современной живописи, которая состоится 9 - 17 февраля 1945 г. в галерее Друен, 17, place Vandome.

Места: 50 фр., 100 фр., 200 фр., 500 фр.

Продажа билетов: Salle Pleyel — 17, Pl. Ven dome, Durand — Madeleine, 4, rue de Galliera.

СALLE PLEYEL
252, Fbg St-Honoré
Métro: Ternes
Воскресенье 11 февр.
в 20 час. 15 мин.

Под покровительством «ENTRAIDE FRANÇAISE»

КОНЦЕРТ в пользу быв. СОВЕТСКИХ ПЛЕННЫХ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:
Милада Банланова,
Николай Бахметев,
(артисты Русск. Оперы),
Mado Robin (de l'Opéra)
Mario Podesta (de la Scala de Milan)
Yvette Chauviré, Serge Peretti (de l'Opéra)
Henri Etcheverry (de l'Opéra)
Marianne Ivanoff (de l'Opéra)
José Torres

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:
«Медведь» водевиль А. Чехова, в перелож. Paul Achard et J. H. Duval
разыгранный артистами Национального театра
Odéon :
Paulette Goddard, Jean Gobet et Raymond Girard

ХОР Афонского
в усиленном составе 50 чел.
Соллисты: Александр Захаров, Галина Павленко и Петр Торби (капитал америк. армии).

У рояля: Александр Лабинский, Р. Траган, Николай Штейн и Тамара Оболенская.
Конферансье: Александр Скаржинский.
Метро: в зале Плейель и в музык. магази не Дюрана (4, place de la Madeleine).

Александра Скаржинского
при уч. пианиста Александра ЛАБИНСКОГО.

В программе: Лято, Бах и Скаржинский. Билеты в зале и в маг «Петроград».

Понедельник 29 января **ПЛЕЙЕЛ** **Métro TERNES**
20 ч. 15 м.

3-е Гала
РУССКОЙ МУЗЫКИ, ПЕНИЯ И ТАНЦА

В пятницу, 29 января, в 8 час. 15 мин. вечера, в большом зале Плейель, состоится, под покровительством «Антрад Франсез», большой концерт в пользу бывш. советских пленных.

Концерт Сюзель ДЮВАЛЬ
В пятницу, 2 февраля, в зале Гаво, состоится концерт певицы Сюзель Дюваль, посвященный русской песне. В программе — произведения Глинки, Даргомыжского, Балакирева, Чайковского, Мусоргского и Сергея Прокофьева.

3-й ВЕЧЕР РУССКОЙ МУЗЫКИ, ПЕНИЯ И ТАНЦА
Объявленные в зале Плейель, два вечера русской музыки, пения и танца прошли с большим успехом при переполненном зале. В понедельник, 29 января, состоится 3-й вечер, при участии усиленного оркестра и хора, под управлением Г. Черноярнова, г. Ашим-Хана, Т. Максимовой и Ж. Ивановой, балета Ельцова и Ольги Разовой. Начало — в 8 час. 15 мин. вечера.

Театр и музыка

КОНЦЕРТ В ПОЛЗУ БЫВШИХ СОВЕТСКИХ ПЛЕННЫХ
В воскресенье, 11 февраля, в 8 час. 15 мин. вечера, в большом зале Плейель, состоится, под покровительством «Антрад Франсез», большой концерт в пользу бывш. советских пленных.

КОНЦЕРТ СЮЗЕЛЬ ДЮВАЛЬ
В пятницу, 2 февраля, в зале Гаво, состоится концерт певицы Сюзель Дюваль, посвященный русской песне. В программе — произведения Глинки, Даргомыжского, Балакирева, Чайковского, Мусоргского и Сергея Прокофьева.

3-й ВЕЧЕР РУССКОЙ МУЗЫКИ, ПЕНИЯ И ТАНЦА
Объявленные в зале Плейель, два вечера русской музыки, пения и танца прошли с большим успехом при переполненном зале. В понедельник, 29 января, состоится 3-й вечер, при участии усиленного оркестра и хора, под управлением Г. Черноярнова, г. Ашим-Хана, Т. Максимовой и Ж. Ивановой, балета Ельцова и Ольги Разовой. Начало — в 8 час. 15 мин. вечера.

Театр и музыка

КОНЦЕРТ В ПОЛЗУ БЫВШИХ СОВЕТСКИХ ПЛЕННЫХ
В воскресенье, 11 февраля, в 8 час. 15 мин. вечера, в большом зале Плейель, состоится, под покровительством «Антрад Франсез», большой концерт в пользу бывш. советских пленных.

КОНЦЕРТ СЮЗЕЛЬ ДЮВАЛЬ
В пятницу, 2 февраля, в зале Гаво, состоится концерт певицы Сюзель Дюваль, посвященный русской песне. В программе — произведения Глинки, Даргомыжского, Балакирева, Чайковского, Мусоргского и Сергея Прокофьева.

3-й ВЕЧЕР РУССКОЙ МУЗЫКИ, ПЕНИЯ И ТАНЦА
Объявленные в зале Плейель, два вечера русской музыки, пения и танца прошли с большим успехом при переполненном зале. В понедельник, 29 января, состоится 3-й вечер, при участии усиленного оркестра и хора, под управлением Г. Черноярнова, г. Ашим-Хана, Т. Максимовой и Ж. Ивановой, балета Ельцова и Ольги Разовой. Начало — в 8 час. 15 мин. вечера.

Театр и музыка

КОНЦЕРТ В ПОЛЗУ БЫВШИХ СОВЕТСКИХ ПЛЕННЫХ
В воскресенье, 11 февраля, в 8 час. 15 мин. вечера, в большом зале Плейель, состоится, под покровительством «Антрад Франсез», большой концерт в пользу бывш. советских пленных.

КОНЦЕРТ СЮЗЕЛЬ ДЮВАЛЬ
В пятницу, 2 февраля, в зале Гаво, состоится концерт певицы Сюзель Дюваль, посвященный русской песне. В программе — произведения Глинки, Даргомыжского, Балакирева, Чайковского, Мусоргского и Сергея Прокофьева.

3-й ВЕЧЕР РУССКОЙ МУЗЫКИ, ПЕНИЯ И ТАНЦА
Объявленные в зале Плейель, два вечера русской музыки, пения и танца прошли с большим успехом при переполненном зале. В понедельник, 29 января, состоится 3-й вечер, при участии усиленного оркестра и хора, под управлением Г. Черноярнова, г. Ашим-Хана, Т. Максимовой и Ж. Ивановой, балета Ельцова и Ольги Разовой. Начало — в 8 час. 15 мин. вечера.

Театр и музыка

КОНЦЕРТ В ПОЛЗУ БЫВШИХ СОВЕТСКИХ ПЛЕННЫХ
В воскресенье, 11 февраля, в 8 час. 15 мин. вечера, в большом зале Плейель, состоится, под покровительством «Антрад Франсез», большой концерт в пользу бывш. советских пленных.

КОНЦЕРТ СЮЗЕЛЬ ДЮВАЛЬ
В пятницу, 2 февраля, в зале Гаво, состоится концерт певицы Сюзель Дюваль, посвященный русской песне. В программе — произведения Глинки, Даргомыжского, Балакирева, Чайковского, Мусоргского и Сергея Прокофьева.

3-й ВЕЧЕР РУССКОЙ МУЗЫКИ, ПЕНИЯ И ТАНЦА
Объявленные в зале Плейель, два вечера русской музыки, пения и танца прошли с большим успехом при переполненном зале. В понедельник, 29 января, состоится 3-й вечер, при участии усиленного оркестра и хора, под управлением Г. Черноярнова, г. Ашим-Хана, Т. Максимовой и Ж. Ивановой, балета Ельцова и Ольги Разовой. Начало — в 8 час. 15 мин. вечера.

РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИГОТОРГОВЛЯ

„ДОМ КНИГИ“
MAISON DU LIVRE ETRANGER
9, rue de l'Éperon, Paris (6).
Ehrenbourg, «La Chute de Paris», 90 fr.
Календари на 1945 г. 50 фр. и 15 фр.
Гауф, «Грамматика англ. яз. с ключом», 140 фр.
Лев Шестов, «Книжкины» 140 фр.
Смирновский, «Грам. русск. языка», Мочульский, «Русские писат. 18-го в.», С. Рейнак, «История религий», 70 фр.
Пушкин. Однотом. 400, 500 и 600 фр.
«1000 слов по-англ.», 2 тома. 350 фр.
Совет. и заруб. изд. Книги по всем отраслям знаний. Словари и учебн. иностр. яз. для русск. Книги о России на франц. языке. Детск. книги. Учебн. для русск. школ. Книги по русск. искус-ству. Открыто от 10 до 18 час., кроме праздн. Тел. Danton 10-60.

В воскресенье, 4 февраля, в 10 ч. утра
состоится просмотр

НОВЫХ СОВЕТСКИХ ФИЛЬМОВ

Бои за Бессарабию и Румынию, за Бобруйск и Люблин.
Синема «Мажестик Брюн», 24, rue de Ван.

ОЧКИ -- НИКИТИН
Русский дипл. оптик. — 38, Bd Batignolles
Métro: Place Clichy-Villiers.

УРОКИ МУЗЫКИ (роль), фр. яз., мат. рус. яз., все предм. Оп. препод. (Моск. кон. М. В. Ж. Корб.). М-ме Vologdine.
211, rue Convention Tél.: VAU 17-05.

M-me Jean GHERMAN, avocat
39, rue Le Marois, Paris 16^e
Tél. AUT 42-86.
(Métro Porte St-Cloud) et 41, Bd Gambetta, Nice.

Ив. Ян. ГЕРМАН возобновил прием в Париже. Дела во всех судебных и админ. учрежд. Возвращение имущества, предпр. квартир. Возмещ. убытков. Применение зак. 14 нояб. и 9 января. Досье для Комиссии де репатриации. Консультации по советскому законодательству. Прием от 14-15 и 19-20 час.

ЕРШОВ
Натирает паркет и чистит квартиры.
13, rue Maltebranche, Paris (6).

ПОЛЫ натираю и все мою. Леон,
19, rue Violet, Paris (16).

СУМКИ
Дамские кожаные сумки на заказ и переделки старых MARGA JAINES. 9, rue Saint-Lazare, 1-er étage, métro: N.-D. Laurette.

Le Gérant B. Zakovitch
Travail exécuté par des ouvriers syndiqués

Imprimerie S. P. I. 4, Rue Saulnier - PARIS 9

„OCCASIONS“
Paris (2); Gutenberg 46-80.
Принем на комиссию, покупка и продажа случайных вещей на наилучших условиях. Магазины открыты от 10 до 14 час. и от 15 до 18 час. кроме субботы, воскресенья и понедельника.